

(П/п: обратите внимание, что теперь повествование в настоящем времени)

Шизи И Вана напился и растоптал посевы простолюдина своей лошастью. Другие чиновники хотели, чтобы ему был объявлен импичмент. (П/п: Импи́чмент — процедура судебного обвинения, в том числе и уголовного, лиц муниципального или государственного исполнения, чиновников, вплоть до главы государства, с возможным последующим их отстранением от должности). Фэнь Чжао Вэнь приказал уроду столкнуться лицом к лицу с реформацией (П/п: Реформа́ция (лат. reformatio «исправление; превращение, преобразование; реформирование») — широкое религиозное и общественно-политическое движение.) в сельской местности. Через 3 месяца у меня была возможность увидеть его возвращение своими глазами.

(П/п: shizi (尸子) означает первенца или наследника.)

Загорелый молодой человек стоял на коленях посреди дворца Чжун Хуа, стуча головой об пол: «Ваше Величество, я был неправ. Пожалуйста, не наказывай меня снова отправлением в деревню. Мне приходилось есть корм для собак и свиней, это слишком тяжело. Императорский кузен...»

Е Хуан тайно прошептала мне на ухо: «Шизи, похоже, сильно изменился. Его кожа обвисла, а глаза стали желтоватыми. Все мамы говорили, что алкоголь был выведен из его организма подчистую.»

Когда я впервые познакомилась с ней, у этой девушки было небольшое чутье. Кто бы мог подумать, что как только мы откроемся друг перед другом, она поделится со мной всем, что знает, а знает она очень много. Она была миниатюрной и сохраняла робкий вид, но это было только для вида.

Мы прятались за ветровым стеклом, чтобы посмотреть шоу. И Ван плакал, указывая на своего сына в раздражении: «Это ты плохо учился, проклятый ребенок! Кара Его Величества уже милостива. Ты должен был остаться там на всю оставшуюся жизнь в качестве урока, сельское хозяйство — это не простая вещь.»

Е Хуан снова заговорила: «И Ван говорит это только ради того, чтобы сказать хоть что-то. Я слышала, что у него только один сын. Он так сильно любит его, что все, что хочет его сын, он отдает. У его сына много наложниц в поместье, но он все равно всегда убегает в бордели, приводя с собой других. Ванфэй так много раз злилась до тошноты. Теперь она посвятила всю свою жизнь молитвам и оставила управление поместьем на супругов.»

Глаза Фэнь Чжао Вэня были суровы: «Чжэнь думает, что лучше следовать тому, что сказал императорский дядя, шизи должна остаться в сельской местности еще на пару месяцев.»

Тучное тело И Вана дрожало, его сердце, должно быть, болело за своего ребенка.

Его сын вытер слезы, продолжая постоянно кланяться. Фэнь Чжао Вэнь массировал свой висок, выглядя очень нетерпеливым: «Вставай, императорский дядя.»

И Ван послушно встал и молча стоял в стороне.

Я слышала, что у покойного императора Великой Ци было около 7 или 8 имперских братьев. Когда Фэнь Чжао Вэнь был только наследным принцем, эти дяди смотрели на трон, затаив дыхание. Однако, когда предыдущий император умер, Фэнь Чжао Вэнь унаследовал трон прямо от из рук, а затем приступил либо к понижению в должности, либо к убийству всех способных дядей, которые у него были. Простые люди были хвалили Фэнь Чжао Вэня.

Он был очень тверд, мог без предубеждения выдавать наказания или награды. Ни один чиновник не осмеливался дерзить после получения от него награды.

Выражение лица Фэнь Чжао Вэня немного смягчилось, он выглядел гораздо более приветливым по отношению к И Вану: «Императорский дядя, императорский клан был высокомерным и экстравагантным в предыдущей династии. Теперь, когда наша земля стала огромной, имперский клан должен был подать пример простому народу. Чжэнь слышал, что количество наложниц в имении императорского кузена сравнимо с гаремом Чжэня.»

Лбы отца и сына вспотели. Выходя из дворца, они помогали друг другу идти. Евнух следовал за ними сзади, неся вещи, которые дал им Фэнь Чжао Вэнь.

Как только силуэт пары исчез, Фэнь Чжао Вэнь заговорил: «Достаточно видела? Выходи!»

Е Хуан сжалась и спряталась за мной, снова приняв вид робкой и невинной служанки. Она почтительно поклонилась. «Мисс, Его Величество зовет вас.»

Я медленно вышла из-за ширмы. Когда я подошла к нему, он притянул меня к своей груди. Он прикоснулся к мозолям на моих руках с сочувственным выражением лица: «Тебе было тяжело, пока ты была вдали от Чжэня?»

Я наконец-то узнала, как действовать в этой среде. Если бы я тогда не был быстра в павильоне Цзинь Сю, я бы потеряла руку от его стрелы. Я рассмеялась и кивнула головой, выглядя очень серьезным: «Я не мог нормально питаться, моя жизнь была действительно тяжелой!»

Он выглядел очень успокоенным!

Сделать императора счастливым было обязанностью его подданного, включая заключенных.

Моя новая жизнь началась после того, как я сбежала в море звезд и закончилась, как сожранные куриные ножки. Не нужно даже говорить, как это было тяжело. В конце концов, у меня было просветление: те ученые из предыдущих династий, которые утверждали, что живут

отшельнической жизнью, должно быть, не были бедными. Должно быть, у них были деньги, чтобы нанять слугу для управления домом, пока они работают над своими шедеврами. Должно быть, у них также были земли, о которых заботились другие люди, чтобы они могли бездельничать, есть в свое удовольствие, прежде чем поднимать кисти, для осуждения правительства.

Что же касается чиновников второго поколения вроде меня, которые никогда не пробовали крестьянской пищи и не носили крестьянскую одежду... не умереть с голоду было уже удачей. Как у меня вообще могли быть свободные деньги, чтобы купить чернила и кисти?

Даже если бы я тогда написала жалобу, никому бы не было до этого дела.

Поэтому я был искренне благодарна Фэнь Чжао Вэню. Хотя он был сродни охотнику, а я была добычей, запертой в его клетке, из-за него я впервые в жизни усомнилась в учении моего отца. Однажды он сказал мне, что даже если я состарюсь, у меня все равно останутся мои навыки. Если бы я не могла быть генералом, я всегда мог бы быть охотником. Он научил меня всему, что мог, чтобы я могла быть самодостаточной. Посмотри, как это закончилось для меня!

В конце концов, было бы лучше, если бы я просто послушно осталась в этой клетке.

Однажды на шестом месяце Фэнь Чжао Вэнь вернулся во дворец Чжун Хуа с парой врачей. Тщательно осмотрев меня, эти врачи собрались в одном углу и перешептывались между собой. Я была действительно недовольна тем, как они относились ко мне. Я вытянула шею, пытаюсь подслушать их разговор. Фэнь Чжао Вэнь, который был в середине их, говоря о том, что знает, вдруг обернулся и невыразительно посмотрел на меня. «Попробуй подслушать еще раз, и твои уши будут отрезаны.»

Я невольно зажала ушки. Один из молодых врачей в группе слегка посмеялся надо мной. Старшие делали вид, что не видят меня.

После этого Е Хуан приносила мне тоники во время моих трех приемов пищи.

В последнее время мой ум узнавал все больше вещей; помимо моего положения во дворце, я чувствовала, что сделала большой круг и вернулась к своей прежней жизни во дворце. Всякий раз, когда у Фэнь Чжао Вэня было свободное время, он прогуливался со мной по дворцу. Каждый раз, когда я вспоминала о своем прошлом, я делилась им с ним, и мы смеялись вместе.

Однажды мы наткнулись на красивую и нежную супругу Дэ. Увидев ошарашенное выражение ее лица, я не мог не сказать: «Ваше Величество, если у вас есть свободное время, вы должны составить компанию супруге Дэ!» Фэнь Чжао Вэнь был в ярости и схватил меня за руку, когда мы проходили мимо супруги Дэ, которая смотрела на меня с благодарностью. Он отвёл меня обратно во дворец Чжун Хуа на скорости быстрее ветра.

Тоник, который я получила в ту ночь, был особенно горьким.

Я сделала большой глоток и чуть не выплюнула его обратно. Я нахмурилась, когда спросила Е Хуан: «Сколько желтых лотосов ты сюда положила? Почему это так горько?»

Я просто спросила, не ожидая никакого ответа от Е Хуан: «Тоник сегодня вечером был лично сварен Его Величеством. Чтобы сделать это, евнуху Тяню пришлось лично бегать туда-сюда в отделение врача.» Когда она увидела, что я хочу вылить лекарство, она быстро опустилась передо мной на колени. «Добросердечная мисс, Его Величество лично приказал этому слуге посмотреть, как вы выпьете это. Если вы этого не сделаете, голова этого слуги полетит.»

Я с горечью посмотрел на Е Хуан: «Какое отношение твоя голова имеет ко мне?»

Она застыла, жалобно глядя на меня.

Я подняла голову и выпила половину миски. Это было так горько, что я дрожала от вкуса. Она шагнула вперед, намереваясь забрать миску. Глядя на последний глоток тоника, оставшийся на тарелке, я покачала головой. «Ты можешь идти. Мне еще нужно использовать эту миску.»

Позже, когда Фэнь Чжао Вэнь вернулся во дворец Чжун Хуа и закончил мыться и умываться, я устала на него, он лежал на кровати. Я забралась на кровать и помассировала его тело. Поначалу он был невозмутим, но после того, как я сделала массаж, его лицо стало намного мягче.

Втайне я была в восторге. Я вытянула губы, и он без колебаний поцеловал меня. Затем я напоила его горьким тоником прямо изо рта. Его Величество был сильным и могущественным человеком, но даже он в конечном итоге выплюнул этот тоник.

Он пристально посмотрел на меня: «Ты... Ты...»

Я бежала довольно быстро, так что весь оставшейся тоник был вылит прямо на желтую простынь.

Я ловко убежала и налила себе чашку чая, чтобы прополоскать рот. «Какая горечь!»

Он устал на меня. Когда он понял, что я не собираюсь заботиться о нем, он встал с кровати и налил себе чашку, чтобы прополоскать рот. Когда он посмотрел на грязную кровать, он позвал Тянь Бин Циня.

Когда Тянь Бин Цин вошел и увидел пятно тоника на кровати, он посмотрел на меня глазами, полными восхищения. После того как служанки, работавшие под его началом, закончили менять постельное белье, он вышел с трясущимися плечами.

Мне показалось, что его шея вот-вот упадет от сильной дрожи.

Я действительно беспокоилась о нем, поэтому последовала за ним сзади. Когда я подошла к дверям, раздался зловещий голос: «Уже так поздно, разве ты не идешь спать?»

Тянь Бин Цинь рассмеялся мне в лицо, прежде чем закрыть дверь. Я прислонилась к двери и вежливо сказала: «Ваше Величество должны сначала поспать. Вы упорно трудились весь день. Я долго спала днем, мне еще не хочется спать. На самом деле, мне совсем не хочется спать.»

Это было похоже на то, что говорили старики: дух борьбы был самым тяжелым во время первой барабанной дроби. Он будет исчерпан на втором раунде и перестанет существовать в третьем раунде.

Фэнь Чжао Вэнь холодно окинул меня взглядом, он выглядел так, будто собирался подойти и поймать меня. Я быстро подбежала к нему, наливая ему чашку чая: «Ваше Величество, должно быть, хочет пить. Идемте! Пейте этот чай!»

Он взял чашку и просто поставил ее на столик рядом с кроватью. А потом он притянул меня к себе и хорошенько потер...

На следующий день я выбралась из драконьей постели полумертвой. Я поклялась себе, что никогда больше не буду чувствовать обиды на императора. Я бы не стала делать такие вещи, как месть и что-то еще.

Могла ли я, эта простолюдинка, делать что-то еще, кроме как терпеть, когда дело касалось его нетрадиционных методов ведения дел?

<http://tl.rulate.ru/book/28150/597434>